

Глава 1. Прибытие

— Мохэ! Мохэ! Следующая станция Мохэ!

Мчащийся сквозь дикую равнину поезд не мог пробить тьму и стряхнуть с себя бурю. Лишь проводник в старой форме с трудом пробирался по тесному проходу, привычно выкрикивая название и даря крошечную надежду измученным пассажирам.

С тех самых пор, как на станции Цзягдачи они пересели в старый пассажирский поезд, метель неслась следом всю дорогу, волна за волной с грохотом обрушиваясь на испещрённые пятнами стекла. Спустя время Тянь Юньчжу начал улавливать в этих яростных звуках нечто героическое и трагичное. словно подношение в жертву, прямо как он сам.

Внутренняя борьба, что терзала его всю дорогу, зашла в тупик, пути назад уже не было. У этого тайного, полного неопределённости преследования, у этого отчаянного рывка тоже не осталось обратной дороги.

В вагоне было очень тепло, нагретый воздух стоял тяжёлый и душный, смешиваясь с самыми разными запахами. Тянь Юньчжу выдохнул струю горячего воздуха на обледеневшее окно, позволяя бесчисленным снежным крупцам расплыться перед глазами, и только тогда опустил взгляд на часы: двадцать два часа три минуты.

Путешествие, длившееся сорок часов и сорок пять минут, из-за разбушевавшейся метели затянулось почти на три часа.

Поезд начал замедлять ход. Но даже этого малейшего сигнала оказалось достаточно, чтобы угасшие от долгой тряски напряжение и трепет вспыхнули с новой силой. А затем с сокрушительной лавиной обрушились на накопившуюся усталость.

Чтобы родные не смогли легко догадаться о его планах, Тянь Юньчжу специально решил добираться до Мохэ на поезде. Он не жалел о минутном порыве, но это не значило, что его давно больное тело и впрямь способно легко вынести столь долгую и изнурительную дорогу.

Что поделать, раз уж сам выбрал этот путь — каким бы трудным и неудобным он ни был, оставалось лишь молча стиснуть зубы и терпеть. Почувствовав, что ладони уже саднит от тупой боли, а ногти впились в плоть, он наконец разжал пальцы, слишком долго сжимавшиеся в кулаки. Тихонько опустив глаза на побледневшие и синеватые кончики пальцев, он нервной дрожью заставил их медленно налиться кровью, а затем неловко проглотил несколько вечерних таблеток.

Немного переведя дух, он поправил шапку, перчатки, до конца застегнул молнию пуховика и затянул шарф так, чтобы скрыть большую часть чересчур бледного лица. Даже закутанный с ног до головы так, что видны были лишь светлые брови да глаза, Тянь Юньчжу всё равно сохранял удивительно изящную осанку, привлекающую взгляды. Закинув на плечи заранее

собранный рюкзак, он присоединился к хлынувшему потоку людей и направился к выходу из вагона.

Холодный воздух властно ворвался в ноздри — жуткий мороз стал для Тянь Юньчжу первым и самым ярким впечатлением от Мохэ. Температура около тридцати градусов ниже нуля оказалась такой суровой, что к ней невозможно было подготовиться заранее ни морально, ни мысленно. Этот холод одновременно бодрил и лишал чувств.

Тянь Юньчжу осторожно дышал, изо всех сил пытаясь уловить хоть что-то сквозь свист ветра и хаос летящего снега.

Оглянувшись назад, он увидел сияющий огнями вокзал на северо-восточной окраине; его архитектура в экзотическом стиле оказалась куда величественнее, чем он представлял. На площади неподалёку переливались сверкающие ледяные скульптуры.

Вокруг царило чужое, безмятежное спокойствие, но все эти виды были до боли привычны для Цзян Сюня.

Дрожащими руками Тянь Юньчжу достал телефон, смахнув упавшие на экран снежинки. Напрягая онемевшие лицевые мышцы, он выдавил из себя глуповатую улыбку — хотел записать короткое видео на память об этом безумном поступке. Даже если посмотреть его сможет только он один. По крайней мере, запись останется у него на будущее, чтобы потом, во время госпитализации, лёжа на больничной койке без единого движения, пересматривать её снова и снова.

Телефон на холоде тоже затормозил, и когда камера со скоростью черепахи наконец включилась, на сфокусированном экране отразились лишь пугающие глаза.

У Тянь Юньчжу от природы были очень притягательные глаза красивого разреза. Стоило ему улыбнуться кому-то взглядом, как его влажные миндалевидные глаза тут же наполнялись сиянием. словно он прятал в них самую яркую звезду ночного неба — чистую и неподдельную, способную потрясти душу.

Но сейчас эти глаза, густо иссечённые сетью мелких красных капилляров от усталости, были безумно широко раскрыты, и в них сквозила смутная тревога.

Впрочем, раз уж видео останется только для него, Тянь Юньчжу не стал придирается к кадру.

— Старший товарищ, я приехал в твои края.

Как же здесь холодно!

Почти два дня в поезде — кости готовы рассыпаться.

Раз уж мне пришлось так тяжело, не мог бы ты проявить милосердие и позволить нам случайно встретиться?

Я знаю, что не имею права... Неважно, ненавидишь ты меня или забыл, я просто хочу взглянуть на тебя издалека.

Шепотом бормоча эти слова, он брёл сквозь абсолютную чуждость и кромешный холод, а тело его сотрясала мелкая дрожь. Тянь Юньчжу по-прежнему медленно волочил ноги, то и дело оглядываясь назад.

Молочно-жёлтый пуховик он намеренно выбрал перед выездом, чтобы выглядеть более бодрым. Хотя бы соответствовать своим чуть за двадцать лет и не казаться таким изнурённым и увядшим. Кто же знал, что посреди глубокой ночи и бушующей медали этот яркий оттенок сам по себе излучает тепло, подчёркивая молодость, живость и изящную фигуру Тянь Юньчжу, из-за чего в потоке спешащих людей он неизменно привлекал к себе всеобщее внимание.

<http://bllate.org/book/26749/3204008>